

лось, еще долгіе годы могли служить дѣлу науки и университетскаго образованія. Да... знаешь неумолимый законъ природы—жить и рано или поздно умереть; но при каждой новой вѣсти объ утратѣ того или другого наставника той поры, когда весело пѣлось «Gaudeamus igitur»..., невольно болѣзненно сжимается сердце и надрывается грудь. Нетрудно было въ послѣдніе годы предвидѣть, что близокъ часъ и глубокоуважаемаго О. И. Буслаева, но когда появилось въ печати извѣстіе о его смерти, тяжело стало на душѣ, навернулись на глаза слезы. Припомнились вдохновенныя лекціи покойнаго, припомнились его авторитетныя рѣчи въ личной бесѣдѣ, его благородныя и гуманныя дѣйствія... и мучительная тоска затуманила взоръ.

Не знаю, оттого ли, что я, будучи студентомъ, съ самымъ живѣйшимъ интересомъ относился къ профессорскимъ лекціямъ, внимательно ихъ слушалъ и изучалъ, или въ пору студенчества особенно сильно вліяли на умъ молодого человѣка впечатлѣнія школы, или, можетъ быть, по какимъ либо инымъ причинамъ, только ни одни событія моей жизни такъ ярко и наглядно не возстаютъ въ моей памяти, какъ событія университетской жизни. И обо всѣхъ моихъ профессорахъ сохранились въ душѣ яркія и прочныя воспоминанія. Вотъ предо мною, какъ живой—старецъ-патріархъ С. М. Соловьевъ съ его серьезною задумчивою рѣчью, авторитетно раздававшаяся въ такъ называемой «Словесной внизу» аудиторіи. Вотъ соратникъ по предмету С. М.—ча—Н. А. Поповъ, бодрый обыкновенно, живой, веселый, истинно русскій человѣкъ по характеру и убѣжденіямъ. Звучно раздавалась его бойкая, но плавная рѣчь, простая, безъ ораторскихъ пріемовъ и эффе́ктовъ, но понятная для всѣхъ и одушевленная. Любили Н. А.—ча студенты, въ особенности за то, что онъ, будучи деканомъ факультета, старался, по возможности, удовлетворить просьбу каждаго, успокоить тѣхъ, кто обращались къ нему по различнымъ студенческимъ дѣламъ, и не затруднялся, во многихъ случаяхъ, быть ходатаемъ за студентовъ «въ минуту жизни трудную». Нельзя забыть краснорѣчивыхъ богословскихъ лекцій Н. А. Сергіевскаго, читавшаго апологію христіанства, во всеоружіи научныхъ знаній, а также не менѣе краснорѣчивыхъ и увлекательныхъ чтеній по церковной исторіи А. М. Иванцова-Платонова... Нельзя забыть А. А. Герца — перваго по времени въ Россіи профессора теоріи и исторіи искусствъ; ученѣйшаго знатока славяновѣдѣнія А. Л. Дювернуа, добрѣйшаго старика Ю. О. Фелькеля, который для слушателей былъ живымъ типомъ нѣмецкаго благодушнаго профессора прежняго времени... Никогда не забудется такой колоссъ русской науки, какимъ былъ Н. С. Тихонравовъ, товарищъ О. И. Буслаева по преподаваемой наукѣ—русской словесности.

Но нужно ли говорить, что въ ряду университетскихъ профессоровъ образъ О. И., его лекціи и профессорская дѣятельность особенно сильно запечатлѣлись въ душѣ? Нужно ли говорить, что